

ИСТОРИЯ

А.О. Олешкевич

К ПРОБЛЕМЕ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Колонизация побережья Боспора Киммерийского является остро дискуссионной проблемой в отечественном антиковедении. Связано это прежде всего с крайне слабым отражением в источниках истории боспорского региона VI в. до н. э. Данная работа посвящена отдельному аспекту этой проблемы – концепции так называемой внутренней колонизации Боспора. Эта идея была высказана в свое время С.А. Жебелевым, который считал, что греческие колонисты ограничились основанием единичных колоний в боспорском регионе, к которым он относил Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу и Кепы, то есть те города, сведения о метрополиях которых содержит античная традиция [1]. Остальные же поселения ученый отнес к следствию вторичной, внутренней колонизации района, осуществлявшейся под эгидой пантикапейских властителей, отказывая им в отличие от первопоселенцев в полисном статусе [2]. В новейшее время концепция С.А. Жебелева была критически разобрана, переосмыслена и развита в работах Ю. А. Виноградова [3] и Е.А. Молева [4], которые и хотелось бы рассмотреть подробнее.

Ю.А. Виноградов выделил три группы источников, позволяющих говорить о наличии у ранних боспорских городов полисной структуры или ее отсутствии – данные античной традиции о метрополиях отдельных городов, эпиграфические материалы, содержащие демотикон, и нумизматические материалы. Совокупность этих источников позволила исследователю добавить к пяти апойкиям, выделенным С.А. Жебелевым, Нимфей [5], а также Горгиппию (Синдскую гавань) [6]. Остальные же греческие поселения Боспора он связал с колонизационной деятельностью первоначальных апойкий. На Керченском полуострове Виноградов выделил таким образом лишь два самостоятельных полиса – Пантикапейский, в состав которого вошли поселения

северо-восточной части полуострова, и Нимфейский, распространивший влияние на его юго-восточную часть [7].

Считаю возможным выразить свое несогласие с подобным видением ситуации. Слабая сторона аргументации Виноградова состоит в выборе им ограниченного комплекса источников по данной проблеме, полное игнорирование им археологических данных, которые могут являться порой единственным источником информации относительно хронологии основания и развития того или иного поселения. Стоит отметить, что источники, подобранные исследователем, относятся к более поздним временам, отстоящим от эпохи боспорской колонизации порой на столетия. Так, наиболее ранние эпиграфические и письменные свидетельства относятся к IV в. до н. э. Античная письменная традиция могла и не сохранить свидетельства относительно основания небольших боспорских полисов, учитывая их малую роль в истории государства, внимание же античных авторов было приковано к более крупным полисам, вокруг которых разворачивались драматические перипетии боспорской жизни, или городам, обладающим удобными гаванями и экономическим потенциалом в области морского транзита (последнее было свойственно авторам периплов). Тем не менее, сведения о ранних апойкиях и их метрополиях, донесенные письменными источниками, являются важнейшими в признании за ними полисного статуса.

Менее важным источником следует признать наличие или отсутствие демотикона гражданина того или иного города. Учитывая единичность их упоминания даже для боспорской столицы, стоит ли говорить о распространении подобных источников для малых городов Боспора? В этой связи Виноградов отмечает, что в эпиграфических документах отсутствует даже демотикон второй боспорской столицы – Фанагории,

хотя и засвидетельствованный в письменной традиции [8]. Примечательно, что Виноградов умалчивает об эпитафии Исократу ахиллийцу из Тамани (КБН. 1059) V-IV вв. до н. э. и надписи храмового стола III в. н. э. о сооружении «отчизной китейцев» храма безымянному «богу гремящему» (КБН. 942). Таким образом, следуя логике Виноградова, азиатский Ахиллий и европейский Китей также следует отнести к боспорским полисам. Возможность выхода демотикона из употребления и формирования общепоспорского гражданства [9] говорит о ненадежности его использования в качестве источника по определению полисного статуса боспорских городов.

Нумизматический материал является важным источником для определения положения боспорских городов. Чеканка городской монеты Пантикапеем, Феодосией, Нимфеем и Фанагорией представляется бесспорным доказательством их независимости и самостоятельности. Однако отсутствие собственной монеты у других боспорских городов вовсе не говорит об их подчиненном положении. Чеканка монеты в данном случае может свидетельствовать прежде всего о более развитой экономике данных полисов по сравнению с соседями, и прежде всего об экономическом росте Пантикапея, которому принадлежит самая ранняя монетная серия в регионе, датируемая В.А. Анохиным 540–530 гг. до н. э. [10].

Именно лидирующее положение Пантикапея, его роль в создании боспорского объединения и дальнейшее столичное положение, на наш взгляд, и способствовали созданию статуса Пантикапея как метрополии боспорских городов, приданию ему образа колонизатора в боспорском регионе. А подобная модернизация истории представляется недопустимой. Так, Е.А. Молев, ссылаясь на свидетельства весьма поздних источников – Страбона, где он говорит о том, что пантикапейская земля простиралась вплоть до Акры (Strab. XI, 2, 8), и Аммиана Марцеллина, который называет Пантикапей «метрополией всех милетских поселений Боспора» (Am. Marc. XXII, 8, 26), приходит к выводу о том, что такие небольшие города, как Тиритака, Мирмекий и Корокондама были основаны при участии пантикапейцев [11]. Подобная

интерпретация весьма сомнительна, если учесть значительную хронологическую отдаленность самих источников от VI в. до н. э., так и их содержание. Необходимо заметить, что Страбон в данном пассаже, по-видимому, отражает положение вещей, характерное для его времени, что весьма согласуется с привилегированным положением Пантикапея, но уже в период существования Боспорской державы. Если же экстраполировать это сообщение на эпоху колонизации, то придется признать, что не только «малые» боспорские города были колониями Пантикапея, но и город Нимфей, что не согласовывается с другими источниками. Сообщение же Аммиана Марцеллина парадоксально по своей сути, так как боспорские поселения названы им «милетскими», но в то же время Пантикапей выступает их метрополией. Видимо, в данной связи стоит отождествлять слово «метрополия» с понятием «столица», не склоняясь к буквальной интерпретации.

Попытки проследить отражение ранней внутрибоспорской колонизации в античной традиции приводят Е.А. Молева к сообщениям Псевдо-Скимна об основании Синдской гавани «эллинами, пришедшими из ближайших местностей» (Ps.-Skymn. 888), и азиатского Киммерия – боспорскими тиранами (Ps.-Skymn. 896-899), которые, по мнению исследователя, и являются доказательствами ее существования [12]. Не подвергая сомнению правдивость данных сведений, стоит отметить, что отражают они, видимо, действительно события внутренней колонизации Боспора, проходившей, однако, в более позднее время, скорее всего, под эгидой правящих боспорских династий. О прямом участии в колонизации Киммерия последних прямо говорится в источнике. Так как античная традиция не знает никаких боспорских тиранов доархеанактидовского периода, то речь об этом этапе колонизации можно вести лишь с 480 г. до н. э., а скорее всего – гораздо позже, учитывая сложную обстановку на Боспоре этого времени. Нахождение на поселении слоев конца VI в. до н. э. может означать, что Псевдо-Скимн говорит не о первоначальном основании колонии, а о выводе в уже существующую апойкию группы дополнительных переселенцев – эпойков. Ситуация с Синдской гаванью

была во многом аналогичной, по крайней мере, сообщение Псевдо-Скимна позволило в свое время Е.М. Алексеевой отнести это событие к IV в. до н. э. и связать с основанием Горгииппии на месте старой апойкии [13].

Е.А. Молев сделал даже предположение о том, что Пантикапей практически сразу после своего основания (на рубеже VII – VI вв. до н. э.) выводит отдаленную апойкию в Северо-Восточное Приазовье – Таганрогское поселение, которое было основано «с разведывательными целями» [14]. Исследования В.П. Копыловым комплекса источников, прежде всего керамического материала, позволили отнести возникновение Таганрогского поселения к третьей четверти VII в. до н. э. и предположить, что метрополией этой апойкии был Милет [15]. Не вдаваясь в споры о метрополии данного поселения, можно сделать вывод о том, что Пантикапей, даже принимая ранний рубеж его возникновения, к которому склоняется Е.А. Молев, – конец VII в. до н. э., не мог участвовать в образовании данного населенного пункта. Проникновение боспорских греков в Северо-Восточное Приазовье действительно зафиксировано, но относится оно уже к более поздней эпохе – ко второй половине IV в. до н. э. [16].

Теперь стоит обратиться к хронологии возникновения поселений европейского Боспора, которая может прояснить процесс возникновения отдельных апойкий, и здесь данные археологии будут являться для нас единственным источником. Традиционно считалось, что первым в Северо-Восточном Причерноморье появился Пантикапей, а время его основания относилось к концу VII в. до н. э. [17]. Но, как мы заметили выше, в Приазовье возникает более ранняя колония. Новейшие археологические данные позволяют пересмотреть и датировку возникновения будущей боспорской столицы относительно других поселений региона. Сейчас можно говорить о практически единовременном основании Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Мирмекия, Тиритаки на рубеже первой-второй четверти VI в. до н. э. [18], несколько позже возникает Порфмий [19]. Таким образом, существенных хронологических разрывов между возникновением

этих апойкий не наблюдается. Их расположение на побережье удобных бухт, естественных возвышенностях, близ источников пресной воды, рядом с плодородными равнинами свидетельствует о типологическом единстве данных поселений и условий, которые выбирали первые колонисты. Особенности раннего домостроительства этих населенных пунктов также подтверждают их схожесть – на раннем строительном этапе подавляющее большинство боспорских городов было застроено землянками и полуземлянками, в которых жили колонисты [20]. В этом отношении многие боспорские города VI в. до н. э. представляли из себя небольшие поселки, застроенные примитивными жилищами, с небольшим населением. Даже Пантикапей до последней трети VI в. до н. э. ничем от них не отличался, и его трудно было назвать городом, ибо наземное строительство в нем начинается только в этот период [21]. Возникает закономерный вопрос – мог ли столь незначительный полис в первые годы и десятилетия своего существования развить столь широкую колонизационную политику, причем на территории не только близлежащих земель, но и таманского побережья (в случае с Корокондамой), и Северо-Восточного Приазовья (Таганрогское поселение), как это представляется Е.А. Молеву? Ответ может быть только отрицательным. Еще С.А. Жебелев в свое время, оспаривая мнение М.И. Ростовцева о том, что милетяне основали многочисленные колонии на европейском берегу Боспора, утверждал, что у Милета вряд ли бы хватило людских ресурсов для этого [22]. Тем менее вероятно наличие этих ресурсов у раннего Пантикапея.

Примечательно, что Е.А. Молев не выделяет причин, которые бы могли подвинуть Пантикапей на столь экстраординарные меры, как выведение ряда собственных колоний, но их приводит Ю.А. Виноградов. По его мнению, выведение Пантикапеем серии аграрных городков было видом освоения им хоры европейского Боспора. Выбор именно подобного типа поселений был связан с опасностью, исходившей от кочевавших через Керченский пролив скифов, так как крупные поселения, расположенные на берегу пролива в местах, удобных для

обороны, на небольшом расстоянии друг от друга были более жизнестойкими, чем выдвинутые в степь деревни. Вновь прибывающих колонистов, как считает Виноградов, Пантикапей направлял в эти пункты [23]. Концепция Виноградова имеет ряд слабых мест. Во-первых, как уже было указано, под категорию «аграрного городка» в этот период попадает и сам Пантикапей, мало чем отличаясь от других боспорских поселений. К тому же необходимо учитывать своеобразие античного города, который всегда являлся поселением аграрным, основу благополучия и гарантию самого существования которого представляло сельское хозяйство. Во-вторых, исследователь в своей концепции явно преувеличил фактор внешней опасности. Ситуация в регионе в первой половине VI в. до н. э., то есть во время возникновения первых апойкий, была стабильной, о чем свидетельствует сам факт их существования. Положение, видимо, меняется к началу последней трети VI в. до н. э., когда фиксируются разрушения и следы пожаров на ряде боспорских городов, что, видимо, можно связать с вторжением новой орды номадов из степей Северного Причерноморья. Однако данный эпизодический момент вовсе не стоит абсолютизировать и переносить на все столетие. Действительно, в Мирмекии и Порфмии засвидетельствованы остатки древнейших фортификационных сооружений во всем Северном Причерноморье, относящиеся ко второй половине VI в. до н. э. [24], но их постройка еще не является следствием общей внешнеполитической напряженности, а может означать и следование ими общегреческой колонизационной практике, когда во вновь созданном поселении сооружались укрепления [25]. Интересно, что в самом Пантикапее столь древних оборонительных стен не обнаружено. Если исходить из признания постоянной военной напряженности в боспорском регионе в VI в. до н. э., то крайне странными выглядят попытки укрепления Пантикапеем своих поселений дальней хоры, растраты им собственных воинских и рабочих резервов в ущерб нуждам полиса. Учитывая достаточно небольшой контингент первопоселенцев, логичнее было бы не распылать собственные силы и средства, а

сосредоточить их в одном месте перед лицом внешней угрозы. В-третьих, возникает вопрос о целесообразности освоения дальней хоры Пантикапеем на столь раннем этапе. Археологическое изучение хоры городов европейского побережья Боспора Киммерийского позволяет говорить, что на раннем этапе их существования (вторая-третья четверть VI вв. до н. э.) боспорские эллины ограничивались обработкой близлежащих земель без каких-либо долговременных построек на хоре, что, по-видимому, было связано с адаптацией их к местным условиям. Ко второму этапу освоения хоры В.Н. Зинько относит период с последней четверти VI – первую четверть V вв. до н. э., который характеризуется увеличением хоры и возникновением первых небольших сельских поселений [26]. По мнению Зинько, численность колонистов изначально не превышала одну-две сотни семей [27], поэтому вряд ли стоит говорить о проблеме стенохории на Боспоре в ранний период существования апойкий, которые обходились распашкой прилегающих плодородных равнин, не сталкиваясь с интересами друга в спорах о земле.

Таким образом, древнейшие поселения европейского Боспора, такие как Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Тиритака и Порфмий можно признать апойкиями, то есть выселками метрополий Эллады. Соглашаясь с Е.А. Молевым, который утверждал о том, что все основанные эллинами поселения должны были иметь форму полисной организации, а других форм государственного устройства Эллада в то время не знала [28], следует отнести это и ко всем вышеперечисленным городам.

Стоит обратить также внимание и на другие, более поздние памятники европейского Боспора. Условно их можно объединить в две группы: поселения северо-восточной части Керченского полуострова в Приазовье и причерноморские поселения юго-восточной части полуострова. В Приазовье А. А. Масленников выделил два древнейших поселения, начало существования которых датируется рубежом VI – V вв. до н. э. – Чокракский Родник и Зенонов Херсонес, которые, по его предположению, могли быть самостоятельными, со своей небольшой

хорой первопоселениями очередной волны греческих колонистов [29]. Также к этой группе Масленников отнес и поселение на г. Опук (Киммерик) на побережье Черного моря, в чем его поддержал В. Н. Зинько [30]. В юго-восточной части Керченского полуострова выделяются три поселения, которые также можно датировать рубежом VI – V вв. до н. э. – Киммерик, Китей и Акра [31]. Их основание некоторые исследователи связывают с широкой колонизационной деятельностью ионийских метрополий и считают невозможным отнесение их к хоре Нимфея, поселения которой тяготели к самому городу, не удаляясь от него далее 5 километров [32]. Если принять вполне обоснованную версию о наличии так называемой «третьей колонизационной волны», вызванной поражением ионийского восстания против персов [33], то азовскую и черноморскую группы поселений вполне можно признать самостоятельными ионийскими апойкиями, тем более что время их возникновения с указанным событием совпадает.

Таким образом, можно признать, что эллинская колонизация Боспора не ограничилась основанием единичных апойкий, а нашла распространение во множестве независимых полисов, в чем и заключается ее феноменальность для всего Северного Причерноморья. Мы ограничились характеристикой лишь европейского Боспора, но во многом сходную картину можно наблюдать и в его азиатской части. Причин такого явления, на наш взгляд, несколько. Во-первых, Боспор Киммерийский был колонизирован несколькими эллинскими метрополиями. Вполне возможно, что проживание на достаточно ограниченной территории различных этнических и гражданских коллективов способствовало возникновению между ними определенных антагонизмов, следствием которых было нежелание отдельных групп проживать в одном полисе. Во-вторых, греческая колонизационная практика показывает, что существовала определенная система неравенства между первопоселенцами и вновь прибывающими группами колонистов – эпойками. Заклучалась она в распределении земельных наделов в пользу первых и ущемлении гражданских прав последних [34]. Вряд ли приходится

говорить о стенохории на ранних этапах развития полисов, здесь подразумевается, что эпойки получали худшие наделы по сравнению с первопоселенцами и их потомками, следствием чего являлись невозможность получения ими высших магистратур и ограничения в правах. Некоторые группы вновь прибывающих переселенцев, возможно, не желали мириться с подобным положением вещей и терять привилегии, которыми были наделены в метрополии, поэтому основывали новые апойки на территориях, не попавших под юрисдикцию первых полисов.

Примечания

1. Жебелев С.А. Возникновение Боспорского государства // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 64.
2. Жебелев С.А. Образование Боспорского царства // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 160.
3. Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 79–96; Он же. Некоторые дискуссионные проблемы колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 152–160.
4. Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI – IV вв. до н. э. Н. Новгород. 1997. С. 5–23.
5. Виноградов Ю.А. К проблеме полисов... С. 86.
6. Он же. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. СПб., 2000. С. 228.
7. Он же. Некоторые дискуссионные... С. 154.
8. Он же. К проблеме полисов... С. 84.
9. Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. I. С. 24.
10. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 17.
11. Молев Е.А. Политическая история... С. 6.
12. Там же. С. 7.
13. Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. I. С. 18.
14. Молев Е.А. Политическая история... С. 5.
15. Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4. С. 174.
16. Марченко К.К. Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 233.
17. Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 23.
18. Бутягин А.М. Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной

- археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005. С. 81.
19. *Вахтина М.Ю.* Порфмий – укрепленное поселение греков у переправы через Киммерийский Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2008. С. 51.
20. *Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 112.
21. *Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 62.
22. *Жебелев С.А.* Возникновение Боспорского государства. С. 69.
23. *Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные... С. 156.
24. *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. I. С. 42–44.
25. *Яйленко В.П.* Древнегреческая колонизационная практика // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 69.
26. *Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2007. Вып. XV. С. 61.
27. Там же. С. 42.
28. *Молев Е.А.* Политическая история... С. 9.
29. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 42.
30. *Зинько В.Н.* Хора городов... С. 60.
31. *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. С. 42; *Куликов А.В.* О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен. СПб., 2004. Ч. I. С. 161-162.
32. *Куликов А.В., Столяренко П.Г.* О начальных этапах истории городов юго-востока Европейского Боспора – Киммерик, Китей, Акра // Ирсииона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2006. Вып. 3. С. 48.
33. *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 24.
34. *Яйленко В.П.* Древнегреческая колонизационная... С. 70.